

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Между любовью и ненавистью нет четкой грани, даже тончайшей. Между ними плывун.

Зыбучий песок.

И ты можешь оказаться одновременно во власти каждого из этих чувств.

Позвольте мне объяснить: ты любишь кого-то, а тебя отвергают. И вот ты уже ненавидишь этого человека, но любить его не прекращаешь и за это ненавидишь уже себя.

Чертовски неприятная комбинация, не так ли?

Я останавливаюсь на обочине дороги. Пока шины утрамбовывают гравий, рулевое колесо в руках вибрирует так, словно мой внедорожник сознает всю важность момента. Сердцебиение учащается, кровь приливает к лицу, кожа пылает и краснеет. Опустив стекло, я делаю глубокий вдох и на несколько секунд задерживаю в легких холодный декабрьский воздух, пропитанный влагой и запахом сожженных листьев. Сегодня вечером по прогнозу синоптиков выпадет первый снег. Но погода не изменит моих планов, на них уже ничто не повлияет. Медленно выдохнув, я еще дважды повторяю упражнение: вдох — выдох, вдох — выдох. Ритм сердца стабилизируется. После нескольких

недель подготовки первый этап моего плана, наконец, близок к осуществлению. И мне нельзя — непозволительно — утратить самообладание.

Проселочную дорогу обрамляют поля и лес, но зима оголила все деревья и кусты. Три дома отлично видны. Синий дом — двухэтажный с фасада и одноэтажный с тыла — продается. Сейчас в нем никто не живет, окна темные. Этот дом был выставлен на продажу больше года назад, но за прошедшие с той поры месяцы никто не выказал заинтересованности в покупке. Да и не удивительно: хозяева не потрудились его подновить: сайдинг нужно отдраивать, газон запущен, декоративные кустарники и цветники задущены сорняками, а поржавевший, изъеденный коррозией почтовый ящик на столбе накренился набок так, словно устал висеть вертикально.

Мой взгляд скользит к постройке на противоположной стороне улицы — крошечному белому домику в стиле ранчо. И уличный фонарь перед ним, и свет на крыльце горят. А хозяин ушел на работу — еще в половине пятого вечера, как и всегда в будние дни. Должно быть, он работает в ночную смену, потому что возвращается домой лишь под утро. Я знаю это благодаря своим наблюдениям за улицей и скрупулезным записям в блокноте; в нем зафиксирована вся жизнедеятельность ее обитателей.

А интересует меня третье строение: небольшой фермерский дом напротив синего дома. В нем живет Спенсер Лафорж — тот, чье имя значитесь первым в моем списке. Свет горит и внутри, и снаружи.

В своих профилях на сайтах знакомств Спенсер представляется сорокасемилетним специалистом по цифровому маркетингу. На его фотографиях запечатлен стройный, привлекательный мужчина с улыбкой, обнажающей ровные белые зубы, и достаточно загорелый, чтобы

выглядеть любителем активного отдыха. Спенсер выдает себя за человека, предпочитающего наслаждаться приятной беседой под бокал отменного «Пино-Нуар». Его хобби включают бег, пешие прогулки и чтение книг. А ищет он подругу для дружеского общения и романтических отношений.

Но сегодня он этого не получит.

Спенсер не заслуживает хорошей жизни. Он игрок и мошенник. Только правдой нельзя создать притягательный профиль на сайте знакомств. Написав, что примитивный придурок среднего возраста ищет горячую девчонку, чтобы переспать с ней и разбежаться, много лайков не получишь.

Убийство этого человека может показаться кому-то чересчур суровой карой, однако Спенсер — обманщик. Не самый гнусный и подлый, но все равно обманщик. И он должен заплатить за то, как привык обходиться с другими людьми. Сегодня я вычеркну его имя из своего списка.

Я снова выезжаю на дорогу, припарковываюсь на подъездной аллее пустующего дома и вылезаю из машины. Подбрав с заднего сиденья рюкзак, вешаю его на плечо, а затем перебрасываю через газон на подъездную аллею Спенсера. Останавливаюсь перед его гаражом, пристроенным к дому, вытаскиваю из кармана одноразовые перчатки и натягиваю их на руки. А потом набираю на панели домофона, у дверной коробки, код из четырех цифр (это важное звено плана мне удалось вывести, наблюдая за Спенсером в бинокль).

Подъемная дверь приходит в движение. Проскользнув внутрь и быстро прошмыгнув мимо черного Форда F-150, я обхожу ездовую газонокосилку, занимающую всю вторую половину гаража. У двери, ведущей в дом, нажимаю на встроенную в стену кнопку, и подъемная дверь опускается.

Характерный для металла скрежет венчает глухой стук. Дверь закрылась.

Я вдыхаю полной грудью воздух, пропитанный бензиновыми парами.

«Я внутри!»

При том, что в жизни он погряз во лжи, Спенсер любит следовать рутине. Он везде использует один и тот же пароль. Взломать его профиль на сайте знакомств оказалось проще простого. Сегодня вторник. Час назад Спенсер закончил работать и в настоящий момент совершает пробежку. Он не позволит такому пустяку, как плохая видимость, нарушить заведенный уклад. В скором времени Спенсер вернется — у него на шесть назначено свидание. И он должен успеть приготовить ужин к приходу новой знакомой. Удивится ли она тому, что обнаружит в его доме?

Мои губы растягивает усмешка. Мышцы лица напрягаются; такое ощущение, что кожа на нем вот-вот лопнет. Мне бы очень хотелось увидеть ее реакцию. Шлюха заслуживает того, что получит, хотя ее вины во всем этом и нет. Я не сомневаюсь, что Спенсер собирается попользоваться ею так же, как поступает со всеми женщинами. Она всего лишь очередная его жертва.

Большинство людей готовы смириться, утереться и жить дальше, но это не про меня. Я затаиваю обиду, пестую ее как младенца.

«Стоп! Не отвлекайся! Сосредоточься!»

Я прохожу из прихожей на кухню. Спенсер не пожалел на ремонт денег — вся техника профессионального уровня, столешницы гранитные, пол выложен первоклассной сланцевой плиткой. Застекленная дверь открывается в крытый патио. А там уличный стол из тикового дерева — уже сервированный. На столе стоят ваза с цветами, две тарелки и два бокала. Над утопленной чашей для костра аккуратной

пирамидкой сложены поленья; рядом лучины и трут для розжига. На маленьком столике лежат крекеры, шоколад и зефир — для приготовления на костре.

Но сегодня Спенсер на десерт получит по заслугам.

Я направляюсь в гостиную. Мне уже доводилось бывать в этом доме — нужно было ознакомиться с его планировкой и обстановкой. Хороший план минимизирует возможные «сюрпризы». Метнувшись к лестнице, я бегом взлетаю на ее площадку на втором этаже. Пройдя по короткому коридору, заглядываю в гостевую спальню. По телу пробегают мурашки возбуждения, пока я рассматриваю коллекцию Спенсера. В ней есть то, чего ты не ожидаешь увидеть в обычном доме.

«Не торопи события. Не забегай вперед. План надо реализовывать поэтапно».

Я возвращаюсь на кухню. И замечаю на столешнице два толстых стейка, томящихся в маринаде. Филе! Романтическая обстановка, хорошее вино, сытная трапеза. Спенсер выкладывается по полной, чтобы преуспеть. Он явно рассчитывает на секс. Ведь это их третье свидание. По своему скудоумию, Спенсер, наверняка, полагает, что заслужил секс уже сегодняшней ночью.

«Ублюдок!»

Сколько женщин он завлек так, попользовался, а потом бросил?

Я опускаю глаза на часы, проверяю время. Спенсер скоро вернется. Мне нужно спрятаться в укрытии. Рука блуждает по карману куртки, оттянутому тяжелыми инструментами. У меня нет ни малейшего желания ввязываться в драку. Чтобы мой план сработал, Спенсер должен будет уступить, подчиниться. Если он не окажет сопротивления, все остальное пройдет гладко.

Как по маслу — сказала бы моя бабка.

Но прежде мне надо взять себя в руки, а меня внезапно охватила паника. Кожа зудит, живот крутит. Сомнение подначивает разум отказаться от затеи. Но я не могу! Я нарушу тогда свое слово — поквитаться со Спенсером. Мне надо собраться, справиться с волнением. Сегодняшний вечер — только начало.

Все фигуранты моего списка будут наказаны.

Я направляюсь в маленькую гардеробную, смотрящую на кухню и гостиную. Дверь у нее жалюзийная — мне все будет видно. И это здорово. Отодвинув в сторону куртку хозяина, я проскальзываю внутрь и закрываю за собой дверь.

Минуты тянутся. Сердце замирает, и я вдруг сознаю, что слышу собственное дыхание. Оно такое громкое, или просто отзывается в моих ушах эхом из-за резкого скачка адреналина? В голове звучит мелодия — проклятый, навязчивый мотив:

Каждый твой вдох...

Я сосредотачиваюсь на дыхании, старюсь его контролировать. Нельзя, чтобы Спенсер меня услышал. Я не позволю ему разрушить то, что было так тщательно спланировано.

До ушей доносится гудение мотора, поднимающего гаражную дверь. Через минуту дверь снова опускается.

Спенсер дома. Мою кожу обжигает гнев.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тяжело дыша, Спенсер Лафорж добежал до конца подъездной аллеи, набрал код гаражной двери и вошел внутрь. Уже на кухне он бросил взгляд на часы, стоявшие на микроволновке. До прихода его новой знакомой осталось меньше часа. И его уже разобрало нетерпение. Достав из холодильника минералку, Спенсер быстро отвернул крышку и жадно отхлебнул прямо из бутылки.

А потом открыл мобильное приложение для знакомств и принялся вновь разглядывать Эвери. Она оказалась невероятно сексапильной — с длинными ногами и такими сиськами, за которые можно и умереть. Эвери выглядела как модель, причем живую. Фотографии в профиле были хуже реальности.

С бутылкой минералки в руке Спенсер подошел к гранитному острову, перевернул в маринаде филейные стейки и удовлетворенно хмыкнул: когда он выйдет из душа, стейки будут готовы. Спенсер устремил взгляд сквозь застекленную дверь на уютный уголок, устроенный в патио.

В воздухе закружились снежинки, и его губы расплылись в улыбке.

Это сигнал к снегопаду.

Ужин в патио у костра под треск поленьев и хоровод снежинок — что может быть романтичнее?

Лафорж отпил еще минералки. Ухмылка вновь скривила его губы: *«Нужно подзаправиться жидкостью»*. А то он переел на ланч сырых устриц в половинках раковин. Вечер, а за ним и ночь обещали быть феерическими. Спенсер уже дважды устраивал Эвери романтические встречи и наговорил ей кучу лстивых комплиментов. К концу их второго свидания девушка практически растаяла и теперь не сорвется с его крючка.

«А теперь в душ». Спенсер повернулся к лестнице. Но странный щелчок заставил его остановиться. Лафорж окинул взглядом гостиную — никого. Он немного постоял, прислушиваясь. Звук был такой, словно щелкнуло что-то в доме.

Да нет. Не может быть. Он жил один. И кода от его двери или ключа от дома ни у кого не было, если не считать уборщицу, которая приходила к нему раз в две недели и должна была явиться лишь на следующий день. Может, следом за ним в гараж юркнуло какое-то животное и оказалось в ловушке? Спенсер устремился в прихожую, чтобы проверить.

Внезапно дверь в гардеробную у входа в гостиную распахнулась, и из нее выскочила фигура.

Напуганному хозяину не хватило времени, чтобы оценить опасность и возможности незваного гостя. Спенсер лишь успел отвести руку назад, намереваясь его ударить. И тут же раздался треск. Боль обожгла его бедро, прострелила все тело. Мышцы вдруг занемели, нервы сдали. А в следующий миг его конечности обмякли, Спенсер покачнулся и опрокинулся, как птица, налетевшая на провод под напряжением и получившая

удар током. Он еще попытался выбросить и подставить под себя руку, чтобы не удариться головой. Но тело не послушалось. И Спенсер рухнул на пол. Боль пронзила локоть и плечо. Он распластался на спине аморфной тушей; мышцы словно атрофировались.

— Приветик, Спенсер, — послышался голос.

Лафорж хотел заговорить, но из-за спазма мышц его челюсти плотно сжались, и губы отказались шевелиться.

— Как поживаешь? Что-то выглядишь ты неважно.

Спенсер с усилием моргнул, но фигура так и не обрела четких отличительных черт. Лафорж попытался перекачаться на руки и колени, но мышцы снова не подчинились. И все-таки ему удалось выдавить сквозь стиснутые зубы:

— Помогите мне.

Два слова мольбы.

А фигура перевернула его на бок, связала за спиной руки и опоясала стяжкой лодыжки. Спенсер хотел побороться, оказать сопротивление, но руки будто задеревенели. А когда мышцы снова начали повиноваться его приказам, было уже поздно. Лафорж оказался полностью обездвижен.

Две руки схватили его за лодыжки и потащили к застекленной двери, Спенсер ударился о ее направляющие. Лицо забарабанило по брусчатке патио. К горлу подступила тошнота. Но свежий воздух прояснил его разум, по крайней мере, на пару секунд. Перед глазами проплыла снежинка.

— Снег идет, — к восхищению в чужом голосе примешалось снисхождение. — А ты сегодня вечером превзошел самого себя. Это было бы идеальное свидание.

Лафоржу, наконец, удалось восстановить контроль над своим языком и выдать слабое:

— Чтоб тебя...

— Чтоб меня? Нет-нет, сегодня *ты* получишь поделом, — фигура ткнула в Спенсера маленьким устройством. При контакте с кожей оно затрещало, и по его нервам пробежал ток. Нет, жидкий огонь!

Бесполезное тело скорчилось в конвульсиях, а мозг беззвучно вскричал: «*Электрошокер!*»

Фигура наклонилась над ним, но сосредоточить на ней взгляд у Спенсера опять не получилось.

Внешние звуки его слух воспринимал как эхо, словно он находился в тоннеле. Но его собственное сердцебиение отдавалось в ушах бешеным громким стуком. Это единственное, что Лафорж различал отчетливо.

Фигура ударила его вторично; по телу прокатилась новая волна тока. Спенсер поднял глаза к потемневшему небу. На его лицо приземлилась снежинка.

— Пожалуйста..., — прохрипел он.

Над ним тут же нависла тень.

— Заткнись!

Голос смолк. Чернота застила ему боковое зрение. Лафорж сильно сжал веки. А открыв потом глаза, понял: ничего не изменилось. Это не был сон. Это был ночной кошмар — только Спенсер не спал. Это был кошмар наяву.

Чужая рука похлопала его по щеке:

— Не вырубайся, останься со мной. Ты должен понимать, что происходит. Я хочу, чтобы ты пережил каждую секунду ужаса и боли. Я желаю, чтобы ты страдал. Ты потребитель, Спенсер, ты привык пользоваться другими. Но за все нужно платить. Тебе еще не доводилось стра-

дать от последствий собственных поступков, не так ли? Знаешь что? Этот вечер полон новых впечатлений — в основном, для меня. А для тебя этот вечер станет последним.

Даже если бы он захотел, Спенсер не смог бы ответить. Он был беспомощен. И где-то в глубине его сознания уже оформилась и утвердилась мысль: в этот вечер ему суждено умереть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Шериф Бри Таггерт прикрутила с помощью отвертки щеколду к дверце стойла. Декабрь уже вступил в свои права, и в конюшне было холодно: при каждом выдохе из рта Бри в вечерний воздух вырывалось облачко пара.

Ее шестнадцатилетний племянник Люк прошелся граблями по грязному полу, выравнивая поверхность. Стойлом не пользовались несколько лет, а лошади обладали удивительной способностью причинять себе вред. Отставив в сторону грабли, Люк достал из кармана перочинный нож и перерезал бечевку, оплетавшую тюк соломы.

— Нет никакой гарантии того, что я найду завтра на рынке подходящую лошадь, — проверила дверцу Бри; задвижка щеколды работала гладко. Убрав отвертку в карман куртки, Бри помогла племяннику раскидать солому.

— Ты должна найти дяде Адаму лошадь, — заявила восьмилетняя Кайла; девочка застыла в проходе, сжимая в руке повод, пристегнутый к удилам на ее крепко сбитом хафлингере по кличке Тыковка. — У дяди Адама в воскресенье день рождения. Ему надо сделать сюрприз.

Поскольку Адам просил в подарок именно спасенную лошадь, Бри сомневалась, что он сильно удивится сюрпризу. Оставалось надеяться, что брат будет доволен.

— Я постараюсь.

Бри унаследовала ферму и трех лошадей после убийства своей младшей сестры. Она также оформила опеку над племянником и племянницей. Не прошло еще и года с того момента, как Бри переехала из Филадельфии на север штата Нью-Йорк, но она уже успела почувствовать себя совершенно другим человеком. Бри рассталась со своей прежней жизнью, как змея со сброшенной кожей. И совсем по ней не скучала.

— А сколько лет исполнится дяде Адаму? — спросила Кайла.

— Двадцать девять, — ответила Бри.

Ей и самой не верилось, что ее младший брат уже почти достиг тридцатилетия. Иногда ей казалось, что прошло очень мало времени с той поры, когда Адам был еще крохой, и с той ужасной ночи, когда они вместе с сестрой прятались под крыльцом их сельского дома, когда их отец... убил их мать.

— Ух ты! Какой Адам старый, — воскликнула Кайла.

— Да уж, — рассмеялась Бри.

— Давайте дадим новой лошади кличку! — бросив повод, Кайла схватила мягкую щетку и принялась счищать с ног Тыковки засохшую грязь. Конь, никогда не тративший энергию без абсолютной необходимости, приподнял заднюю ногу и мгновенно погрузился в дремоту. Его голова повисла, веки прикрыли глаза.

— А разве не дядя Адам должен выбрать имя для своей лошади? — вынырнув из стойла, Бри стряхнула с джинсов соломенную пыль.

Дремавшая у двери в отсек с амуницией собака по кличке Милашка приоткрыла один глаз. Довольная тем, что ее люди по-прежнему находились в конюшне, она продолжила спать.

— Наверное, дядя Адам, — пробормотала Кайла.

Но Бри даже не усомнилась: ее маленькая племянница уже приготовила на выбор дяди с дюжину кличек.

Конь Люка пнул копытом дверцу своего стойла.

— Ладно тебе, Бунтарь. Я знаю, что тебя пора кормить, — рассмеялся Люк и устремился к фуражной комнате.

Кайла соскребла грязь с копыт Тыковки, а затем завела хафлингера в его стойло и поцеловала в нос. Сцена показалась Бри такой милой и трогательной, что ее сердце наполнилось теплой нежностью. О существовании подобного чувства Бри не подозревала, пока не стала опекуном Кайлы и Люка. Ее глаза увлажнились, и эта реакция тоже была новой: Бри не понимала, почему на глаза наворачиваются слезы, если она счастлива.

Вот только грядущее Рождество было первым, которое им предстояло встретить без матери Люка и Кайлы и ее родной сестры Эрин. Если бы не дети, Бри вообще не стала бы его отмечать. В такие праздники к ней возвращалась грусть. Но потакать слабости и предаваться унынию равнозначно малодушию. Дети заслужили лучшего, и Бри должна была им показать на собственном примере, что они могут хранить память об Эрин в своих сердцах и, вместе с тем, жить и двигаться дальше.

Еще бы знать, как это сделать!

Остановившись перед стойлом Ковбоя, Бри погладила пятнистую голову мерина. Раньше этот добродушный конь принадлежал ее сестре. В его обществе Бри ощущала себя ближе к Эрин, и это ее успокаивало. Бунтарь в нетерпении